

Татьяна Иванько

**МиллЕниум. Повесть
о настоящем. Том 1**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Миллениум. Повесть о настоящем. Том 1 / Иванько Т. В.; худ.
Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 308 с.

ISBN 978-5-532-95862-3

Взросление — это ломка, а если ломка происходит на изломе эпох, много ли остаётся от человека? Любовь, как животворящая сила, как способ спастись, единственное, что сохраняет целостность внутреннего мира героев, оберегая от вторжения и распада их души. Отношения между отцами и детьми, мужчинами и женщинами, смятение душ. Я и я, я и они, напряжённые струны, взрывающие душу между долгом и страстью, между «да» и «нет». Идеальная любовь всегда представлялась счастьем, можно ли сохранить её в безумии наступающего со всех сторон бездушия и холодного расчёта? И что она сделает с героями, вознесёт к вершинам душевной чистоты или раздавит?..

ISBN 978-5-532-95862-3

© Иванько Т. В., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Дети меловых рисунков на асфальте	5
Глава 2. «Две звезды»	22
Глава 3. Керосин	37
Глава 4. «Ты меня любишь?»	46
Глава 5. Громы и молнии в райском саду	60
Глава 6. Перемены	73
Глава 7. Буря мглою...	82
Часть 2	94
Глава 1. Четыреста ступенек	94
Глава 2. Отец	107
Глава 3. Весна	118
Глава 4. Эхо Гамельна	125
Глава 5. Мне становится страшно...	146
Глава 6. Измены	160
Глава 7. Октябрьское солнце	174
Часть 3	193
Глава 1. Страхи и желания	193
Глава 2. Круги всё уже...	208
Глава 3. «Руфи»	225
Глава 4. Ад	237
Глава 5. Нас больше!	249
Часть 4	262
Глава 1. Рядом и врозь...	262

Глава 2. Опиум	273
Глава 3. Самоубийство	284
Глава 4. Убийство	296

Часть 1

Глава 1. Дети меловых рисунков на асфальте

– Ой, Лёничка! Вот это да... Плязи совсем пустые... Надо же, никогда не думала увидеть в августе... Почему, интересно? Как ты думаешь? Может у них тут шторм, какой был? – Лёля обернулась ко мне от вагонного окна, мы ехали в Адлер, и сегодня второе августа 1991 года.

Я вышел к ней из купе, где мы после Туапсе остались вдвоём. Действительно, странная картина, за всё моё детство, когда я бывал на море каждый год, я никогда не видел на юге, таких пустынных картин – узкая полоска галечного берега, разделённого волнорезами, вдоль которой мы будем ехать несколько часов, выглядела так, будто сейчас зима или, ну, или глубокая осень...

Единичные курортники, возлежащие на полинялых деревянных лежаках, привлекли не только наше внимание, двое московских молодожёнов тоже обсуждали это, стоя за два окна от нас.

– Может, там холодно? – Лёля посмотрела на меня.

– Ага, а в вагоне дышать нечем! – усмехнулся я.

– Ну... было холодно... – улыбнулась Лёля.

– Не выдумай, Лёль, просто мало отдыхающих в этом году.

Лёля посмотрела на меня:

– С чего? Всё так дорого стало?

Я пожал плечами: откуда мне знать?.. Мы впервые с ней одни и думать сейчас, почему пляжи пустые совсем не хотелось...

На что дана нам МОЛОДОСТЬ?

Бурная река – Молодость!

Нас несёт она всё вперёд,

всё быстрее.

Молодость – пламя!

Молодость – огонь!

Но кому-то не хватит огня.
Молодость – начало, и кто навечно останется здесь?
Кто сожжёт свою молодость?
Сожжёт кого-то она в месть?
Мы юны – нам всё по плечу!
Мы юны и страха в нас нет!
Мы юны и всё навечно!
Мы юны, разве это пройдёт?!
Молодость нас тревожит.
Молодость в нас бурлит!
Молодость – сила!
Молодость – мощь!
Сила ветра и сила воды.
Сила бури и сила огня.
Молодость, конечно, дана навсегда.
Молодость беспечна и в этом она.
Молодость – пламя!
Молодость – огонь!
Кто сгорит в огне,
Кого сожжёт молодость,
Кто всё сожжёт, что встретит,
А кто зачерпнёт её силы и
Понесётся вперёд через время в века!
Мы юны – нам всё по плечу!
Мы юны и нет страха в нас!
Мы юны и так будет всегда!
Мы юны, разве это пройдёт?!..

Неимоверная жара пришла в августе 1991 года в Сочи. Казалось, что «Азорский антициклон», о котором в прогнозах говорили синоптики – это что-то вроде летающего ящера из кошмарных снов и страшных сказок с раскалённым животом и крыльями из струй солнечного непереносимого света, зависшего над нашими головами. Какая-нибудь птица Гуль из сказок «Тысячи и одной ночи...». Почему именно это приходило мне в голову каждый день, когда мы ползли с пляжа по раскалённым бетонным дорожкам, которые,

от жара вот-вот расплавятся как тесто и поглотят наши ступни в хлипких сланцах, я не знаю. Может быть потому, что про эту Гуль бабушка читала мне, когда я лежал с ангиной и температурой 39? Ну, почти как теперь в этом Адлере. Только вот Гуль вроде вовсе и не раскалялась... Жара, похоже, совсем расплавил мне мозги...

Но жара и прочее – всё чепуха, по сравнению с тем, что мы с Лёлей были здесь вдвоём. Вдвоём, только вдвоём, наконец-то! Впервые вместе, в первый раз полностью наедине...

Мы приехали сюда после зачисления в институт.

Теперь мы поступили, проучившись, год на Подготовительном отделении, организованном у нас в Н-ске в прошлом году, мы с Лёлей успешно сдали выпускные, они же вступительные, экзамены во 2-ой Московский Мед имени Н.И. Пирогова, и теперь всё, что нам оставалось – это ехать учиться. То есть сначала надо будет в конце августа получить места в общежитии, потому что мы считались «целевым набором» и общага нам полагается, а остальным – нет. «Целевой набор» означает, что нас направила учиться Область и ждёт нашего возвращения обратно уже в виде молодых специалистов.

Надо сказать, в прошлом году мы подписали договор, по которому, в случае, если мы, окончив институт, не поедём работать в любой из районов области, то должны будем выплатить 7 тысяч рублей – стоимость целого автомобиля. Однако, одержимые поступлением во что бы то ни стало, мы готовы были на всё, хотя ехать на три года в какую-нибудь дыру не улыбалось, но всё это казалось таким далёким будущим, что все подписали. Но вот прошёл год и никакого договора теперь с нас, целевиков, уже не требовали. Забыли что ли? Хотя, сейчас каждый день всё что-то новое, уследить невозможно...

Я поступил ещё в прошлом году, сдав вступительную химию на «отлично», и как золотого «медалиста», меня приняли без дальнейших экзаменов, но...

Однако об этом стоит вспомнить и рассказать... Всё, что предшествовало нашему приезду в Сочи в это лето, стоит вспомнить подробнее.

Прошедший год стал настоящим нешуточным испытанием для меня, когда меня сначала пилили дома на все лады за «дурость», а потом сокрушались, что я теряю год, и меня могут забрать в армию раньше, чем я поступлю в институт. Но родился я в августе, что, очевидно, сыграло решающую роль в том, что в армию меня могли бы забрать только предстоящей осенью, в осенний призыв. Теперь же я – студент и мама может не опасаться за мою будущность. Почти...

Потому что теперь у неё новый страх: теперь она боится, что я женюсь...

Но с начала...

Первое сентября в первом классе я запомнил только потому, что в этот день я впервые увидел ЕЁ – Лёлю Гуляеву.

Я не помню, что была линейка, не помню, что говорил нам директор, что сказала наша первая учительница, Елена Семёновна. Я помню только эту девочку. Под «Школьные годы чудесные», этот вальс повторяли потом каждое первое сентября из года в год до последнего одиннадцатого класса, и эта немного грустная мелодия засела в моей голове навсегда, правда её грусть и очарование я ощутил только, когда она зазвучала для нас на «Последнем звонке».

Лёля, тоненькая, с огромными мерцающими какими-то сказочными глазами, встретила мой восторженный взгляд немного растеряно, но в следующее мгновение её глаза вспыхнули и улыбнулись. Однако я перестал её видеть на некоторое время и начал бояться, что она померещилась мне.

Но какова была моя радость, когда я увидел её среди моих одноклассников, хотя в тот момент, я не знал ещё, что все эти мальчики и девочки вокруг меня, так называются.

Я не запомнил в тот день ни одного имени, кроме её. И того, что она сидит далеко от меня, через ряд, у окна. Правда, в последующие годы нас несколько раз пересеживали, но Лёля всё равно неизменно оказывалась где-то очень далеко. Но, может быть, и хорошо, потому что если бы меня посадили рядом с ней, я онемел бы, ослеп и оглох и вообще провалился бы сквозь землю. Я превратился бы в растаявшую комету, которая подлетела слишком близко к Солнцу... А так,

издали, я мог питаться её теплом и светом как нормальная планета. Или почти нормальная.

Глядя на Лёлю, рассматривая её изящный профиль, смешные тонкие косички, завязанные «баранками» как у Кукушки из «Электроника», я думал каждый день, что нет, и не может быть никого прекраснее, и что удивительно, что никто не замечает этого. Потом, когда я немного поумнел, я обрадовался, что этого никто не замечает. Правда, немного позже я узнал, что я ошибаюсь и таких как я, было, по крайней мере, несколько человек. А в восьмом классе неожиданно прозрели все...

Но, тогда, в первом классе, я ещё пребывал в убеждении, что Лёля – это только моё исключительное счастье. Приходя домой каждый день, я смотрел на себя в зеркало и понимал, что ничего во мне, белобрысом, голенастом и нескладном, с огромными зубами и носом-картошкой, такой девочке, как Лёля понравиться не может. Это доводило меня почти до отчаяния.

Однажды, у большого трюмо, в их с дедом комнате, меня застала бабушка Лариса.

– Ты, что это, Алёша, у зеркала вертишься? – немного прищурилась она, пристально вглядываясь в меня. – Тебе, что... понравилась какая-нибудь девочка? – мне кажется или бабушка усмехается?

Я покраснел, хмурясь, и думая, как бы отвертеться, нагрубить или просто сбежать, и пробормотал:

– Ну, ба... – вообще-то я очень дружу с бабушкой Ларисой, больше всех в моей странной семье, где родители в разводе, сколько я себя помню, отец давно уехал в Москву и видел я его так редко, что забывал от раза к разу, как он выглядит.

Там, у моего отца давно новая жизнь, он женат на другой женщине, и когда я шёл в первый класс, на свет появился мой брат Юра. А моя мама оставалась незамужней, вернее, разведённой женщиной.

Моя мама, Наталья Аристарховна, работала инженером на заводе, она очень красивая женщина, правда в детстве, я не понимал этого, я просто всегда её очень любил, но мы никогда не были близки, как с бабушкой Ларисой, папиной мамой. В отцовской семье

все были врачи. А с маминой стороны бабушка умерла, когда я был совсем маленьким.

Жил я с бабушкой Ларисой и дедом Ваней с четырёх лет, а мама бывала у нас в гостях. В школе, таких как я больше не было, я так долго думал, пока не узнал, что и Лёля, как и я, живёт с бабушкой...

Но всё это я узнал гораздо позднее, а сегодня моя подруга бабушка Лариса сказала мне, пытавшемуся ретироваться от её пронизательного взгляда в свою отдельную комнату:

– Знаешь, как понравиться твоей принцессе? – сказала бабушка Лариса мне, поспешившему скрыться от неё в своей комнате. – Стань самым умным, самым лучшим учеником.

Как ни удивительно, но я принял бабушкин совет сразу как руководство к действию. И стал лучшим учеником в классе. Это далось мне легко. Я всё схватывал «на лету», мне приходилось готовить дома только письменные задания, а устные я никогда не делал, всё ведь рассказывали на уроках.

Когда мы учились в седьмом классе, в школе начал организовываться, что тогда называлось, ВИА. И я оказался в первых рядах тех, кто захотел участвовать в этом. И, хотя я не учился в музыкальной школе, как другие участники группы, но оказался способным, быстро освоил гитару и, поскольку уже привык быть во всём первым, и был запевалой в школьном хоре, то и солировать тоже предложили мне. Хотя голоса у меня никакого не было никогда, я брал скорее страстью и уверенностью.

И все эти годы я не переставал смотреть на Лёлю как на богиню.

Когда я узнал, что она ходит заниматься хореографией в Дом Пионеров, я отправился туда же заниматься самбо. Наш тренер, под покровом тайны, потому что тогда это вдруг стало, запрещено, учил нас и каратэ.

Конечно, совсем уж по-рыцарски было бы прийти в Лёлин балетный кружок, тем более что мальчишек там, как обычно, не хватало. Но на это я не решился, хотя в мечтах представлял себе чуть ли не каждый день, как я стану кавалером Лёли в танце. Но я отлично осознавал, что и пальцем двинуть не смогу, не то, что танцевать, если она будет смотреть на меня, тем более, если коснётся. Поэтому я